

поощрялъ его и Батюшковъ, остался неисполненнымъ. Самъ Батюшковъ попробовалъ свои силы въ повѣсти изъ русской древности подъ заглавіемъ: „Предслава и Добрыня“ (1810). Повѣсть не была, впрочемъ, напечатана самимъ Батюшковымъ и появилась уже въ 1832 году, когда дѣятельность Батюшкова давно прекратилась. Повѣсть относится къ временамъ кievскаго князя Владиміра. Нечего и говорить, что въ ней, кромѣ именъ Владиміра и Добрыни, кромѣ двухъ-трехъ археологическихъ подробностей, найденныхъ въ двухъ-трехъ книгахъ, нѣтъ ровно ничего ни историческаго, ни народнаго. Батюшковъ видимо подражалъ здѣсь повѣсти Муравьева, также изъ древне-кievской эпохи („Оскольдъ“): та же неестественная высокопарная манера, то же притязаніе рисовать величественныя картины и нѣжныя чувства. Для сохраненія колорита времени Батюшковъ счелъ нужнымъ сдѣлать историческія справки—съ лѣтописью Нестора, съ книгой Кайсарова о славяно-русской мифологіи; но они мало помогли ему, и къ ошибкамъ Кайсарова онъ прибавилъ еще весь фальшивый тонъ своего разсказа, натянутого и слащаваго. Очень возможно, что Батюшковъ въ свое время не отдавалъ въ печать этого разсказа потому именно, что самъ чувствовалъ его недостатки.

Отношеніе Батюшкова къ ближайшей исторіи несовсѣмъ ясно. Онъ мало касается нашего XVIII вѣка, и только къ петровской реформѣ онъ не разъ возвращается въ своихъ разсужденіяхъ. Взглядъ на Петра есть общій тогда взглядъ образованныхъ людей, какъ онъ былъ изложенъ, напр., Карамзинымъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“. Петръ Великій создалъ Россію, впервые выведя ее изъ невѣжества къ просвѣщенію, далъ ей славу оружія, высоко поставилъ государство. Петровское преобразование есть для Батюшкова настоящее начало русской исторіи,—старины до-петровской онъ не любитъ и не знаетъ, и даже мало интересуется знать. Подобнымъ образомъ, Ломоносовъ есть первый основатель русской литературы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ Батюшковъ довольствуется однимъ панегирикомъ: повидимому, подробности петровскаго дѣла, какъ и подробности ломоносовской реформы, занимали его мало.

Если исторія представлялась ему лишь въ общихъ, неопредѣленныхъ очертаніяхъ (а древность была и совсѣмъ непонятна, облекаясь въ чисто произвольныя черты, книжно-выдуманная), если чуждо было ему и народное преданіе, то не мудрено, что и въ его отношеніи къ современной дѣйствительности, насколько она соприкасалась съ исторіей, мы находимъ нѣчто несвободное и искусственное. Возьмемъ одинъ примѣръ. Передъ двѣнадцатымъ